

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(доктор философских наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

МАРКСИЗМ О ФЕНОМЕНЕ ВУЛЬГАРНОЙ НАУКИ И О «ФУРИЯХ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА»

Аннотация. Статья посвящена анализу причин возникновения и развития вульгарных направлений в науке. На материале работ К. Маркса автор пытается воссоздать общую картину феномена «вульгарная наука», выясняя условия её закономерного возникновения и особенности функционирования. В связи с этим рассмотрению подлежит ряд вопросов, а именно: 1) какова действительная причина, вызывающая к жизни вульгарные направления внутри собственно научного знания; 2) какие социальные функции выполняет вульгарная наука; 3) как соотносится вульгарная наука с обыденным знанием, с одной стороны, и свободной научной мыслью – с другой.

Ключевые слова: классическая школа, вульгарная наука, обыденное знание, иллюзии, заблуждения, классово мотивированный подход, частный интерес.

T. E. Ragozina

(Doctor of Philosophical Science, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

MARXISM ON THE PHENOMENON OF VULGAR SCIENCE AND THE «FURIES OF PRIVATE INTEREST»

Abstract. The article is devoted to the analysis of the reasons for the emergence and development of vulgar trends in science. On the material of K. Marx's works the author tries to reconstruct the general picture of the phenomenon "vulgar science", finding out the conditions of its natural emergence and peculiarities of functioning. In this regard, a number of questions are to be considered, namely: 1) what is the real reason that causes vulgar trends within scientific knowledge proper; 2) what social functions does vulgar science fulfil; 3) how does vulgar science relate to everyday knowledge, on the one hand, and free scientific thought, on the other.

Keywords: classical school, vulgar science, everyday knowledge, illusions, delusions, class-motivated approach, private interest.

Феномен вульгарной¹ науки столь же древен, как и сама наука. В составе научно-теоретического мышления вульгарная точка зрения, как правило, обнаруживает себя в виде набора некритических представлений обыденного сознания о сущности явлений и процессов, происходящих в окружающем мире. И хотя данные представления облечены в наукообразную форму за счёт использования соответствующего языка науки, тем не менее, они своим содержанием в составе научно-теоретической мысли продолжают воспроизводить те *иллюзии* и *заблуждения*, которые свойственны массовому обыденному сознанию, разделяя с последним все его пороки и недостатки. Особый интерес в этом плане представляют вульгарные направления, возникающие в социально-гуманитарных науках.

Означает ли сказанное выше, что между обыденным сознанием и вульгарной наукой можно поставить знак равенства? Конечно же, нет. В чём состоит принципиальное различие данных феноменов – это будет видно из дальнейшего детального рассмотрения особенностей вульгарной науки. Пока же отметим, что наличие в составе вульгарной науки представлений обыденного сознания – далеко не самый главный её порок, ибо вовсе не само по себе обыденное сознание является *причиной*, обуславливающей появление и активное распространение вульгарных направлений в науке.

В связи с этим закономерно встаёт ряд вопросов, а именно: 1) какова действительная причина, вызывающая к жизни вульгарные направления внутри собственно научного знания; 2) какие социальные функции выполняет вульгарная наука; 3) наконец, почему в системе духовного производства отводится далеко не равноправное место и роль вульгарным доктринам и *свободной научной мысли*, в результате чего свободная научная мысль оказывается вытеснена на периферию общественного сознания и вынуждена пробивать себе дорогу в борьбе с широко тиражируемыми и щедро финансируемыми квазинаучными вульгарными направлениями? – Таков круг вопросов, на которые мы постараемся найти ответ в предлагаемой вниманию читателя статье.

Проблема вульгарной науки в качестве предмета теоретического анализа впервые в истории научной мысли ставится и начинает систематически разрабатываться Карлом Марксом. Эта проблема совсем не случайно попадает в его поле зрения в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века, а в прямой связи с его критическим анализом буржуазной политической экономии и позитивной разработкой его собственной теории прибавочной стоимости. Более того, феномен вульгарной науки оказывается одной из ключевых тем на протяжении всего периода написания Марксом подготовительных работ к «Капиталу»: начиная с «Экономических рукописей 1857-1859 годов» (Первоначальный вариант «Капитала») и заканчивая руко-

¹ Вульгарный [< лат. *vulgaris* обыкновенный, простой] – упрощённый, пошлый, грубый. Соответственно, *вульгаризация в науке* – это чрезмерно упрощённое выражение в составе теории свойств и характеристик изучаемого явления или процесса, искажающего его действительную сущность.

писями, получившими название «Теории прибавочной стоимости», которые были написаны Марксом в период с января 1862 по июль 1863 г. и которые составили IV-й том «Капитала». Показательно, что этот том, в отличие от первых трёх, так называемых *теоретических* томов, сам Маркс называл *историко-критической* частью своего большого труда о капитале.

Начнём с «Экономических рукописей 1857-1859 годов». Написанный Марксом ещё летом 1857 г. небольшой очерк о взглядах вульгарных экономистов Бастиа и Кэри свидетельствует о том, насколько далеко уже в тот период он продвинулся в своей критике буржуазной политической экономии. Если в предыдущих работах деление Марксом буржуазных экономистов на два основных направления только ещё намечалось, то здесь уже совершенно чётко дана характеристика этих двух течений и проведено их разграничение, а именно: *классической школы* и *вульгарного направления*, демонстрирующего деградацию и разложение буржуазной экономической мысли.

В частности, говоря в «Экономических рукописях 1857-1859 годов» о вульгарных экономистах, вышедших на сцену после Рикардо и Сисмондй, Маркс характеризует их сочинения следующим образом: «Это всецело литература эпигонов: воспроизведение старого, <...> отсутствие ярких и решающих фаз анализа, инвентаризация старого, с одной стороны, и прирост отдельных частных, с другой» [1, с. 3]. При этом показательно, что Маркс из всей этой многочисленной экономической литературы всё же выделяет сочинения двух авторов, на которые он обращает особо пристальное внимание, а именно: работы американца Кэри и француза Бастиа, которые, согласно Марксу, составляют определённое исключение из этой плеяды эпигонов. В чём же Маркс усматривает это исключение, что именно привлекло его внимание к сочинениям этих экономистов?

«И тот и другой, - говорит Маркс, - понимают, что противники [буржуазной] политической экономии – социализм и коммунизм – находят свою теоретическую предпосылку в трудах самой классической политической экономии, особенно в трудах Рикардо, которые надо рассматривать как её наиболее законченное и последнее выражение. Поэтому и тот и другой *считают необходимым объявить ошибочным и подвергнуть нападкам то теоретическое выражение, которое буржуазное общество исторически получило в современной политической экономии, и доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность*» (курсив наш – Т. Р.) [1, с. 4].

Вот она, главная причина возникновения феномена вульгарной науки – взгляд на существо происходящих в экономической сфере процессов *через призму частного интереса буржуазии*, то есть – *классово обусловленный подход* указанных теоретиков буржуазной политэкономии к анализу экономических реалий; – подход, заставляющий обоих экономистов (и Кэри, и Бастиа) совершенно *осознанно* отказываться от верных научных положений (поскольку эти положения *неизбежно ве-*

дут к социализму и коммунизму) и переходить на позиции вульгарного доктринёрства и апологетики, *осознанно плодя иллюзии и заблуждения* относительно сущности капиталистических производственных отношений и буржуазных форм собственности.

Именно это обстоятельство – *мотивированная частным интересом класса буржуазии* точка зрения и Кэри, и Бастиа (а вовсе не одни только реальные трудности, могущие иметь место в процессе научного исследования в виде ограниченного уровня достигнутых на данный момент знаний и проч.) – суть главная причина, заставляющая обоих экономистов объявлять ошибочными именно те положения классиков буржуазной политической экономии, которые как раз наиболее достоверно и объективно выражают в составе теории действительное положение вещей и которые фиксируют всю антагонистичность существующих производственных отношений, тем самым непосредственно подводя к социалистическим выводам о необходимости коренного преобразования общественного строя посредством изменения его экономической основы, то есть – посредством упразднения существующих форм собственности на средства производства.

Тот факт, что *классическая школа* как одно из направлений буржуазной политической экономии является теоретической предпосылкой и прямой предтечей Марксова учения о прибавочной стоимости, а потому также и одним из источников марксистского учения о необходимости социалистической революции, – этот факт общепризнан и не требует доказательств. Кстати, он свидетельствует о наличии такой закономерности в развитии всякой науки, как *преemptивность объективно-истинных идей и положений*, входящих в состав сменяющих друг друга научных теорий. Вместе с тем, та же самая история науки на примере взаимоотношений классической школы буржуазной политэкономии и вульгарных экономистов демонстрирует нам также и другую закономерность, свойственную социальным наукам, а именно: *неизбежное возникновения вульгарных направлений внутри и наряду с собственно научно-теоретическим знанием*.

Так, анализируя сходство экономических условий, породивших взгляды экономистов Кэри и Бастиа, проживавших в разных странах и даже на разных континентах, Маркс не без иронии отмечает следующую закономерность: «Совершенно различная, даже противоположная национальная среда, в условиях которой пишут Кэри и Бастиа, вызывает у них тем не менее одинаковые устремления» [1, с. 4]. Какие одинаковые устремления имеет в виду Маркс? А вот какие: «...доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность» [1, с. 4]. И в самом деле, «...что может быть естественнее того, - восклицает Маркс, - что те производственные отношения, в которых этот огромный Новый свет развивался так быстро, так поразительно и так успешно, рассматриваются у Кэри как *вечные нормальные отношения общественного производства и общения ...?*» (курсив наш – Т. Р.) [1, с. 4]. Иными словами, что может быть естественнее точки зрения вульгарного экономиста, выражающего

в теории интересы класса буржуазии, чем неприкрытая апология капиталистических производственных отношений?

В прямой связи с этим вспоминается ещё один образчик тонкой политической иронии К. Маркса и Ф. Энгельса, к помощи которой они прибегли за 10 лет до «Рукописей 1857-1859 гг.», а именно – в 1847 г. в «Манифесте коммунистической партии». Говоря о пристрастном характере взглядов буржуазии о себе самой и о капиталистическом способе производства, заставляющем адептов буржуазного общества «...превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума» [2, с. 443], Маркс и Энгельс указывают на то, что такие «пристрастные представления» буржуазия разделяет со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. При этом удивления достойно следующее: «Когда заходит речь о буржуазной собственности, - констатируют Маркс и Энгельс, адресуя свой упрёк буржуазии, - вы не смеее более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности античной или феодальной» [2, с. 443]. Вряд ли можно оспорить актуальность подобной политической иронии применительно к нынешним представителям крупного капитала и их идеологам, воспевающим эпоху позднего капитализма и пытающимся любыми путями остановить ход всемирной истории, перехитрив её и навязав ей «вечность капиталистического миропорядка».

Итак, уже в «Экономических рукописях 1857-1859 годов» Маркс фиксирует размежевание и прямую противоположность *классической* научной мысли и мысли *вульгарной*, для которой характерен совершенно антиисторический и откровенно апологетический взгляд на действительность капиталистического общества. Бьющая в глаза вульгарность подобной точки зрения, старающейся изобразить капиталистическое производство вечным естественным идеалом гармоничного развития общества, состояла также в том, что она пыталась антагонистические противоречия буржуазного общества либо затушевать полностью, либо объяснить их наличием в нём феодальных пережитков ².

Меж тем, Маркс в «Главе о деньгах» беспристрастно показывает, что развитая форма товарного производства в условиях частной собственности на средства производства неизбежно предполагает свойственные *именно капитализму* (а не феодализму) такие антагонистические отношения, которые тождественны с «разрывом между трудом и собственностью, так что труд будет создавать чужую собственность, а собственность – распоряжаться чужим трудом» [1, с. 184].

² Прямо скажем: ни дать ни взять – наши российские горе-идеологи и пропагандисты, которые сегодня пытаются либо оправдать и всячески затушевать обострившиеся в начале XXI в. противоречия позднего капитализма, либо объяснить их как пережитки *социализма и советской власти*, объявив советскую власть (В. И. Ленина и большевиков) причиной нынешних кровопролитных межнациональных военных конфликтов на постсоветском пространстве.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами феномен вульгарной науки продолжал оставаться в центре внимания и научного интереса Маркса также и в «Теориях прибавочной стоимости», образующих IV-й том «Капитала». В частности, Маркс посвящает этой проблеме такой раздел, которому он даёт говорящее о многом название, а именно: «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия». Здесь он осуществляет детальный критический анализ вульгарных учений буржуазных экономистов о таких наличных формах буржуазной экономики, как *прибыль, рента и процент*.

Причём, особенностью этого периода в сравнении с «Экономическими рукописями 1857-1859 годов» является то, что здесь главным средством критического анализа Марксом учений буржуазных экономистов оказывается положительная разработка новой, самим Марксом созданной, *теории прибавочной стоимости*, с позиций которой он и осуществляет критику иллюзий и заблуждений всех представителей буржуазной экономической мысли. Здесь Маркс в первую очередь вскрывает типичные для всех прежних экономистов-классиков *чисто теоретические причины и трудности*, порождавшие их ошибки, заблуждения и противоречия, параллельно при этом прослеживая, как возникает и оформляется *спекулятивная реакция вульгарных экономистов* на указанные теоретические трудности и противоречия классической школы, – реакция, продиктованная уже *причинами чисто политического свойства*.

Какого же рода ошибки теоретического свойства были характерны для всей домарксовской *классической школы* буржуазной экономической мысли и «...какие теоретические заблуждения с необходимостью должны были отсюда возникнуть», – об этом Маркс сообщает в самом начале «Теорий прибавочной стоимости», предваряя детальное изложение вопроса: «Все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты» [3, с. 6]. (То же самое касается и *процента* – Т.Р.)

Показательно, что и Энгельс, работая уже после смерти Маркса над вторым томом «Капитала» и готовя его в 1885 г. к изданию, выделяет эту же причину как главную теоретическую ошибку прежних экономистов-классиков в своём знаменитом «*Предисловии*», которое, кстати говоря, помимо изложения взглядов Маркса имеет также и самостоятельное теоретическое значение. Воспроизводя ключевые моменты Марксовой критики взглядов классиков буржуазной политэкономии, Ф. Энгельс следующим образом описывает *внутритеоретические причины* кризисной ситуации, сложившейся в экономической науке: «Однако, ... прибавочную стоимость как таковую Смит не отделил, в виде особой категории, от тех особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте. Отсюда у него – а ещё больше у Рикардо – много ошибок и недостатков в исследовании» [8, с. 14].

Что же касается теоретической позиции Маркса, ознаменовавшей собой преодоление кризиса буржуазной экономической мысли и положившей начало каче-

ственно новому этапу в развитии политэкономической теории, то описать её лучше, чем это сделал Ф. Энгельс, невозможно. Просто, лаконично и точно говорит он об одном из великих научных открытий, сделанных Марксом, благодаря которым *прибавочная стоимость* получила своё теоретическое обоснование в качестве *всеобщего закона*, являющегося глубинной сущностью капиталистических производственных отношений; – закона, который на поверхности экономических явлений обнаруживает себя в функционировании таких наличных форм буржуазной экономики, как *прибыль, рента, процент*. Вот как разъясняет Энгельс феномен раздвоения единой исходной формы прибавочной стоимости на обособленно друг от друга существующие экономические формы, которые начинают жить по своим специфическим (особенным) законам: «Напротив, - констатирует суть Марксова открытия Ф. Энгельс, - у Маркса прибавочная стоимость есть *всеобщая форма* той суммы стоимости, которую без всякого эквивалента присваивают собственники средств производства и которая по совершенно особым законам, впервые открытым Марксом, распадается на *особые, превращённые формы* ³ *прибыли и земельной ренты*» (курсив наш – Т.Р.) [8, с. 14-15].

Иначе говоря, классическая буржуазная политическая экономия, решая проблему анализа источников дохода (источников общественного богатства) и рассматривая такие частные и особенные экономические формы, как *прибыль, рента, процент*, так и не смогла понять эти формы в качестве *производных от общей для них всех формы – от прибавочной стоимости*, по отношению к которой они выступают как её собственные *формы превращённые* (в которые прибавочная стоимость превращается в ходе своего развития). Соответственно, все прежние экономисты в силу указанной причины не смогли понять и саму прибавочную стоимость как *всеобщий закон* существования, функционирования и развития всех без исключения частных и особенных форм капиталистической экономики. Именно поэтому, завершая свою оценку кризисной ситуации, сложившейся в экономической науке в первой трети XIX века, Ф. Энгельс выносит следующий вердикт: «...школа Рикардо около 1830 г. потерпела крах на прибавочной стоимости. То, что она не могла разрешить, оставалось тем более неразрешимым для её преемницы, вульгарной политической экономии» [8, с. 22].

В приведённой выше характеристике обращает на себя внимание данная Энгельсом расстановка акцентов, согласно которой теоретические трудности в решении проблемы прибавочной стоимости, вызвавшие крах классической экономической мысли, оказывались «тем более» неразрешимыми для вульгарной политиче-

³ Категория «*формы превращённой*» в теории Маркса является главным методологическим средством, с помощью которого ему удаётся преодолеть противоречие между *видимым на поверхности явлений движением* буржуазной экономической системы и её *действительным движением на уровне сущности*. Раскрытию понятийного содержания категории «*форма превращённая*» нами были посвящены следующие работы: 1) Рагозина, Т. Э. «К вопросу о становлении категории «форма превращённая»» [6]; 2) Рагозина, Т. Э. «О «философской родословной» категории форма превращённая» [7].

ской экономии. То, что такие акценты расставлены отнюдь не случайно, это не вызывает никаких сомнений. Ответ на вопрос «почему?» мы, вслед за Энгельсом, находим у Маркса всё в тех же «Теориях прибавочной стоимости», которые увидели свет благодаря подвижнической деятельности Энгельса ⁴.

Искомый ответ напрямую связан с решением задачи выявления принципиальных различий между двумя направлениями экономической науки – классическим и вульгарным. Эту задачу Маркс даже специально формулирует в качестве заголовка одного из подразделов большого по своему объёму *Приложения*, целиком посвящённого вульгарной политэкономии, а именно: «Существенное различие между классической и вульгарной политической экономией» [4, с. 524]. Суть этих различий состоит в следующем.

Несмотря на то, что классическая буржуазная политическая экономия, рассматривая в качестве форм общественного богатства *прибыль, ренту, процент*, в итоге так и не смогла понять их как частные и особенные формы проявления общего закона, то есть, не смогла понять их в качестве *превращённых форм*, производных от одного-единственного, *общего для них всех источника – от прибавочной стоимости*, она по крайней мере всё же ставила перед собой такую задачу и стремилась её разрешить. Поэтому, несмотря на все ошибки и противоречия, свойственные классике, она обладает целым рядом несомненных достоинств и может служить образцом научной мысли, ибо «...классическая политическая экономия, - говорит Маркс, - старается посредством анализа свести различные фиксированные и чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству и совлечь с них ту форму, в которой они индифферентно стоят друг возле друга; она хочет понять *внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления*» (курсив наш – Т. Р.) [4, с. 525].

Оценивая на этом фоне взгляды вульгарных экономистов, Маркс констатирует нечто прямо противоположное: «Совершенно иначе обстоит дело с *вульгарной политической экономией*» [4, с. 526]. В прямой связи с этим он не в первый раз обращает внимание на такой характерный признак всякого вульгарного направления в науке, который состоит в том, что вульгарная точка зрения, как правило, занята только тем, что «...переводит обыденные представления на доктринёрский язык» [4, с. 529]. Обыденный характер представлений является следствием того, что вульгарные экономисты «застревают» на уровне *явлений*, не идя дальше и не пыта-

⁴ Благодаря осуществлённой Ф. Энгельсом сложнейшей теоретической реконструкции рукописи 1862-1863 гг. (известной под названием «Теории прибавочной стоимости» – 4-й том «Капитала»), которую не успел завершить в своё время сам Маркс, была сохранена суть Марксовой мысли и подлинная логика содержания этой важнейшей работы. Опираясь на содержание «Теорий прибавочной стоимости», Энгельс как раз и расставляет указанные теоретические акценты в *Предисловии ко 2-му тому «Капитала»*, обрисовывая будущим читателям общую панораму научной революции, совершённой Марксом в экономической науке.

ясь проникнуть в их сущность, на что вполне определённо указывает Маркс: «Только после того, как политическая экономия достигла известной ступени развития и отлилась в устойчивые формы, – т. е. после А. Смита, – от неё отделяется, как особый вид политической экономии, *тот элемент в ней*, который есть всего лишь *воспроизведение внешнего явления в качестве представления о нём*, – отделяется её *вульгарный элемент*» (курсив наш – Т. Р.) [4, с. 526].

Чем же так неприемлема для подлинно научно-теоретического исследования указанная вульгарная процедура «перевода обыденных представлений на доктринёрский язык»? В чём её принципиальная порочность? В том, что в результате происходит фактический отказ от собственно теоретического анализа действительности, благодаря чему оказывается расчищено место для апологии существующих производственных отношений и отношений собственности; в том, что вместо теоретического анализа, достоверно рисующего картину действительности, общественности преподносится некритическое принятие на веру наличной реальности «как она есть». В итоге такое некритическое воспроизведение в составе научной мысли наличных форм действительности неизбежно приводит к кризису и разложению теории. Кроме того, это оказывает апологетические услуги господствующему классу благодаря тиражированию от имени науки и закреплению в массовом сознании обывателя самых нелепых заблуждений, скрывающих антагонистическую природу существующих производственных отношений.

Наиболее полное своё выражение этот вульгарный элемент как раз и получает в представлениях экономистов о происхождении и сущности таких наличных форм буржуазной экономики, как *промышленная прибыль*, *банковский процент на капитал* и *земельная рента*, понимание которых не шло дальше «*воспроизведения внешнего явления*». Согласно таким представлениям вульгарных экономистов, *прибыль* трактовалась как «заработная плата капиталиста за его труд» (на манер заработной платы рабочего), *процент* – как «самовозрастающая стоимость», источником которой выступал капитал, никак не связанный с процессом производства и с образующейся в этом процессе производства прибавочной стоимостью, а *земельная рента* – как дар природы.

Меж тем, действительное происхождение и сущность указанных явлений капиталистической экономики – будь то *промышленная прибыль*, *банковский процент* или *земельная рента* – на деле состояли в том, что они все оказывались частными случаями, особыми формами существования *прибавочной стоимости*, то есть формами, *производными* от прибавочной стоимости, которая образуется за счёт неоплаченной части труда рабочего и присвоения этой части труда капиталистом.

Маркс не без сарказма указывает на *фетишизм* подобных представлений вульгарных экономистов и о *ренте*, и о *капитале*, *приносящем проценты*. Фетишизм такого рода взглядов заключается в том, что «*капитал ...* выступает здесь как самостоятельный источник стоимости, как творец стоимости, подобно тому как

земля выступает как источник ренты» [4, с. 524]. Поэтому Маркс совершенно справедливо квалифицирует указанные приёмы вульгарных экономистов как попытки «придать рациональную видимость иррациональным формам процента и ренты» [4, с. 524].

Иными словами, вульгарно-обывательский характер их представлений состоял в следующем: *во-1-х*, они не только не видели *действительного (единого) источника происхождения* указанных форм общественного богатства, но даже и не ставили перед собой такой задачи, оставляя без всякого внимания вопрос о природе и сущности лежащей в их основе *прибавочной стоимости*, которая образуется за счёт неоплаченной части труда рабочего, то есть – за счёт эксплуатации его труда и присвоения этой части труда капиталистом; *во-2-х*, в силу этого они рассматривали *прибыль, процент и ренту* как формы совершенно индифферентные друг другу, существующие самостоятельно и независимо друг от друга и – самое главное – как такие явления буржуазной экономики, которые *никак генетически не связаны с исходной для них всех формой – прибавочной стоимостью*. Благодаря этому оказывался полностью затушёван и окончательно стёрт с облика данных форм общественного богатства лежащий в их основе антагонизм между трудом и капиталом (когда «труд создаёт чужую собственность, а собственность – распоряжается чужим трудом»), ибо природа прибавочной стоимости в таких вульгарных доктринах оказывалась «...представлена как нечто совершенно потерявшее само себя». [4, с. 524].

Это принципиальное различие между классическим и вульгарным направлениями имеет для Маркса настолько важное теоретическое значение, что он периодически возвращается к нему, с каждым разом давая ему всё более развёрнутую характеристику и всё глубже вскрывая действительную причину, которая движет вульгарной наукой: «Понятно поэтому, почему вульгарная политическая экономия предпочитает формулу: «земля – рента, капитал – процент, труд – заработная плата» <...> В прибыли, - разъясняет Маркс, - ещё содержится стеснительная [для вульгарной политической экономии] связь с процессом [производства] и более или менее ещё распознаваема истинная природа прибавочной стоимости и капиталистического производства в отличие от их *внешнего проявления*. Это прекращается, когда процент изображается как в собственном смысле продукт капитала и тем самым другая часть прибавочной стоимости, промышленная прибыль, совершенно исчезает и попадает в категорию заработной платы» [4, с. 525].

Как видим, дело здесь заключается отнюдь не только в том, что вульгарной мысли куда проще скользить по поверхности экономических явлений, чем пытаться обнаружить всеобщий закон их возникновения и функционирования. Главная пикантная деталь всех вульгарных упрощений экономической действительности заключается в другом, а именно: «Кроме того, - констатирует Маркс, - *это оказывает очень большие услуги апологетике*. Ибо, например, в формуле «земля – рента, капитал – процент, труд – заработная плата» различные формы прибавочной стои-

мости и различные персонажи [Gestalten] капиталистического производства противостоят друг другу не отчужденно, а как посторонние и индифферентные друг для друга, как всего лишь различные, *без антагонизма*. Различные доходы проистекают из совершенно различных источников, один – из земли, другой – из капитала, третий – из труда. *Следовательно, они не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи*» (курсив наш – Т. Р.) [4, с. 529].

Вот главный мотив и причина всех упрощений, иллюзий и заблуждений, *осознанно производимых* таким типичным для буржуазной науки персонажем, как *вульгарный экономист*, который, по словам Маркса, «сам ничего не производит», а только «препарирует на свой лад» материал, добытый и развитый классической экономической мыслью. Поэтому вполне понятна та научная безгливость, с которой Маркс характеризует Бастиа, говоря, что ему остаётся лишь заниматься плагиатом и «стараться устранить своими рассуждениями *неприятную* сторону классической политической экономии» [4, с. 527].

Вот он, неизбежно обнаруживающий себя всякий раз апологетический аспект вульгарной науки, её отнюдь не побочный, а вполне *закономерный результат* и продукт, призванный играть роль «научного прикрытия» для обоснования нужных господствующему классу политико-идеологических конструкций. Повторяем, феномен вульгарной науки – это *закономерный продукт* развития социально-философской, экономической и политической мысли в условиях капиталистической формации, который неизбежно возникает по мере вызревания системы антагонистических противоречий капитализма. Маркс на материале буржуазной политической экономии с точностью естествоиспытателя выявляет и фиксирует указанную закономерность развития всяких социальных наук: «По мере того, как политическая экономия идёт вглубь, она не только сама изображает противоречия и противоположности, но против неё выступает её собственная противоположность – одновременно с развитием реальных противоречий в экономической жизни общества. Соответственно этому вульгарная политическая экономия сознательно становится все более *апологетической* и всячески старается отделаться путём болтовни от тех мыслей, в которых выражены противоречия» [4, с. 527].

Словом, как ни крути, а всегда получается одна и та же «триада»: вульгарная наука – *закономерный продукт капитализма*; апологетика – *закономерный продукт вульгарной науки*, а выработанный ею набор обыденных представлений – *суть осознанно используемое средство порождения иллюзий и заблуждений*, призванных затушевать и скрыть существующий антагонизм общественных отношений. Именно поэтому всякая вульгарная наука есть надёжный и эффективный инструмент в руках политики: тем более эффективный, чем «ближе она к стихии обыденных представлений», то есть – чем ближе и понятнее такая наука обывателю, к

очевидности обыденных представлений которого она всегда апеллирует⁵.

Спустя ровно четыре года, 25 июля 1867 г. в Лондоне Карл Маркс завершит написание *Предисловия* к первому изданию «Капитала», подведя итог своей многолетней работе. Тема вульгарной науки и её связи с апологетикой, выражающей классовые интересы буржуазии, прозвучит в нём вновь как одна из самых главных тем великого научного исследования: «В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души – фурий частного интереса» [5, с. 10]. Этот обвинительный приговор, беспристрастно вынесенный Марксом в адрес вульгарных направлений в науке, содержит ответы на все поставленные нами выше вопросы.

Анализ феномена вульгарной науки позволяет сделать ряд выводов.

1. Иллюзии и заблуждения, возникающие в области социальных наук и обретающие в массовом сознании прочность предрассудков, тем отличаются от обычных ошибочных представлений (могущих иметь место в том числе и в естествознании и прикладных технических науках), что имеют *двойственную природу*. Двойственность их природы заключается в том, что содержание заблуждений и теоретических противоречий, возникающих в рамках *классических направлений* научной мысли, как правило обусловлено достигнутым уровнем развития соответствующего вида социального знания, в то время как иллюзии и заблуждения, свойственные *вульгарным направлениям*, всегда обусловлены также ещё и *классово, идеологически*.

Иначе говоря, иллюзии и заблуждения, возникающие в составе социальных наук в рамках вульгарных направлений, выступают одновременно и как нечто *естественно возникшее* на почве ограниченности имеющегося на данный момент знания, и как нечто *искусственно сформированное*, то есть – как *идеологический продукт*, призванный затушевать и завуалировать действительную суть происходящих в обществе процессов. Поэтому апология существующего строя – одна из главных социальных функций вульгарной науки.

Поскольку все иллюзии и заблуждения вульгарной науки, все её представления о сущности происходящих в обществе процессов формируются и культивируются осознанно, отражая существующее положение вещей *через призму частного интереса* экономически господствующего класса, постольку вся эта совокупность заблуждений вульгарной науки с помощью искусно разработанных социально-политических механизмов выводятся из-под прицела научной критики, получая

⁵ Все политтехнологии современного капиталистического общества построены с учётом этого обстоятельства.

всестороннюю политическую, финансовую и организационную поддержку в виде грантов, международных и национальных премий и призов. Они не только тиражируются посредством широкой сети научных изданий, форумов, конференций, индексов научного цитирования, но и усиленно насаждаются широким слоям населения, навязываясь массовому сознанию обывателя с помощью самых различных медийных технологий.

2. Несмотря на то, что вульгарная наука (как и обыденное знание) есть *знание на уровне явлений, а не на уровне сущности* изучаемых процессов, между ней и обыденным знанием всё же нельзя ставить знак равенства. Более того, вульгарную науку вне всякого сомнения следует отличать от обыденного знания и не смешивать одно с другим хотя бы потому, что обыденное знание есть нечто такое, что возникает стихийно и естественно в ходе повседневной практической жизни людей, в то время как вульгарная наука – это искусственно формируемый продукт, *осознанно и преднамеренно* создаваемый «фуриями частного интереса» в целях сохранения таких общественных отношений, когда «труд создаёт чужую собственность, а собственность распоряжается чужим трудом».

3. Поскольку вульгарная наука выступает как такая социальная сила, которая движима «фуриями частного интереса» – этими самыми яростными, самыми низменными и самыми отвратительными страстями человеческой души – и которая преднамеренно деформирует научный разум посредством действий многочисленных «персонажей», выходящих на арену борьбы против свободного научного исследования, постольку *вульгарная наука абсолютно враждебна свободной научной мысли*.

Не допустить торжества объективно истинного научного взгляда на сущность происходящих социальных процессов; не допустить понимания широкой общественностью действительных причин социально-экономических кризисов; не допустить распространения в общественном сознании учений, сколько-нибудь достоверно отражающих подлинные законы общественного развития и указывающих путь к изменению существующего положения вещей – вот главная задача, негласно поставленная перед ней господствующими классами современного капиталистического общества. Поэтому вульгарная наука призвана не только выполнять функцию апологии существующего общественного строя, но и вести неустанную борьбу со свободной научной мыслью, вытесняя её на периферию общественного сознания и не давая ей овладеть сознанием широких масс людей. Это – её главная и основная социальная функция, осуществлению которой как раз и служит апологетика.

Библиографический список:

1. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1968. – Т. 46. Ч. I. – 559 с.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 4. – С. 419-459
3. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 26. Ч. I. – 476 с.
4. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 26. Ч. III. – 674 с.
5. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
6. Рагозина, Т. Э. К вопросу о становлении категории «форма превращённая» / Т. Э. Рагозина // Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2018 года / Отв. редактор Рагозина Т. Э. – Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2018. – С. 45-57.
7. Рагозина, Т. Э. О «философской родословной» категории форма превращённая / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – ГОУ ВПО «ДОННТУ». – Донецк, 2018. – Выпуск № 1 (7). – С. 15-27.
8. Энгельс, Ф. Предисловие ко II-му тому «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 24. – С. 3-24.

References:

1. Marks, K. Ekonomicheskie rukopisi 1857-1859 godov (Pervonachal'nyj variant «Kapi-tala») / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – M., 1968. – T. 46. CH. I. – 559 s.
2. Marks, K., Engel's, F. Manifest kommunisticheskoy partii / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – M., 1955. – T. 4. – S. 419-459
3. Marks, K. Teorii pribavochnoj stoimosti. V 3-h ch. / K. Marks, F. Engel's // Soch. – Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1962. – T. 26. CH. I. – 476 s.
4. Marks, K. Teorii pribavochnoj stoimosti. V 3-h ch. / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1964. – T. 26. CH. III. – 674 s.
5. Marks, K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom pervyj / K. Marks, F. En-gel's // Soch. – Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1960. – T. 23. – 907 s.
6. Ragozina, T. E. K voprosu o stanovlenii kategorii «forma prevrashchyonnaya» / T. E. Ragozina // Marksizm i sovremennost': al'ternativy XXI veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 27 aprelya 2018 goda / Otv. redaktor Ragozina T. E. – Doneck: GOUVPO «DONNTU», 2018. – S. 45-57.
7. Ragozina, T. E. O «filosofskoj rodoslovnoj» kategorii forma prevrashchyonnaya / T. E. Ragozina // Kul'tura i civilizaciya (Doneck). Nauchnyj zhurnal. – GOU VPO «Don-NTU». – Doneck, 2018. – Vypusk № 1 (7). – S. 15-27.
8. Engel's, F. Predislovie ko II-mu tomu «Kapitala» / K. Marks, F. Engel's // Soch. - Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1961. – T. 24. – S. 3-24.